

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.140.41>

ГЛОБАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОУСТРОЙСТВА

Научная статья

Сирота Н.М.¹ *

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (sirotanm[at]mail.ru)

Аннотация

Рассмотрен вклад в разработку проблематики турбулентности ведущих ученых-международников, раскрыты специфика этого феномена в последние десятилетия и базовые причины возникновения. Складывающаяся в мире ситуация оценивается как эпоха турбулентности с преобладанием нелинейных процессов, резкой сменой трендов, ростом конфликтности и снижением её порога, непредсказуемостью событий, девальвацией международного права, распространением аномии. Акцентируется возрастание роли силового фактора в международных отношениях, включая войну как способ и средство укрепления позиций тех или иных государств. Анализируются факторы, способные обеспечить выход мировой политики из состояния хаоса и неустойчивости на глобальном и региональном уровнях. В качестве вероятных сценариев трансформации мира прогнозируются полицентричность с элементами биполярности (США-Китай) и хаотизация международной среды («международный беспорядок»).

Ключевые слова: турбулентность, миросистема, миропорядок, новая биполярность.

GLOBAL TURBULENCE AND THE TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER

Research article

Sirota N.M.¹ *

¹ Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (sirotanm[at]mail.ru)

Abstract

The contribution to the development of turbulence issues by leading international scientists is examined, the specifics of this phenomenon in recent decades and the underlying causes of its emergence are disclosed. The current situation in the world is evaluated as an era of turbulence with the prevalence of non-linear processes, a sudden change of trends, the growth of conflict and lowering its threshold, unpredictability of events, devaluation of international law, and the spread of anomie. The article emphasizes the increasing role of the power factor in international relations, including war as a way and means of strengthening the positions of certain states. The article analyses the factors that can ensure the exit of world politics from the state of chaos and instability at the global and regional levels. Polycentricity with elements of bipolarity (USA-China) and chaotic international environment ("international disorder") are predicted as probable scenarios of world transformation.

Keywords: turbulence, world system, world order, new bipolarity.

Введение

Мир вступил в активную фазу длительного периода реформирования устройства, сложившегося после Второй мировой войны и частично обновленного с преодолением биполярности в условиях усиления взаимозависимости. Он становится все менее предсказуемым и поляризуемым по линии противоборства демократии с авторитаризмом. Положение в глобальном социуме чревато рисками разрушительных столкновений и требует новых подходов к обеспечению безопасности.

Для характеристики нынешнего состояния международной среды широко используется слово «турбулентность» (от лат. *turbulentus*, означающего «бурный, хаотичный, неупорядоченный»). Для турбулентности характерны силовые отношения между акторами, преобладание нелинейных процессов, непредсказуемость событий, нарушения порядка и резкая смена трендов. Слово «турбулентность» отражает не только названные объективные деструктивные реалии, но и субъективные (массовый характер настроений безысходности и потери ориентиров, отсутствие видимых путей преодоления бедствий).

Конкретные, эмпирически фиксируемые проявления турбулентности в мировой политике рассматриваются во многих исследованиях отечественных и зарубежных ученых. На концептуальном же уровне глубиной анализа проблематики глобальной турбулентности выделяются публикации американских экспертов Джеймса Розенау и Ричарда Хааса,

Дж. Розенау в работе «Турбулентность в международных отношениях», опубликованной в канун распада СССР, обосновывал тезис о том, что из-за кардинальных сдвигов в глобальном социуме мировой порядок оказался в состоянии высокой напряженности. Главная особенность мировой политики, согласно его представлениям, состоит в переходности, когда сложившиеся правила игры еще не перестали действовать, а новые еще не начали функционировать в полной мере [1].

Значимой детерминантой турбулентности Дж. Розенау считает неконтролируемый характер взаимозависимости людей и обществ, подвергающихся воздействию информационных потоков. Естественный источник турбулентности ему видится в окружающей человечество природной среде, дестабилизирующей уязвимые социотехнические системы.

У не менее известного эксперта Р. Хааса более широкий, в некотором смысле социологический подход к проблеме источников турбулентности. Он отталкивается от одной из базовых идей работы классика международно-политической теории Х. Булла «Анархическое общество» (1977) – о всегда происходящем в мире столкновении сил порядка и беспорядка, причем характер эпохи зависит от баланса сил между ними.

В наши дни этот баланс, согласно Р. Хаасу, смещается в направлении хаоса. Причины этого процесса носят преимущественно структурный характер, но отчасти являются результатом неправильного выбора наиболее значимых акторов.

Конкретизируя этот подход, причины турбулентности Р. Хаас объясняет развалом американоцентричного миропорядка, которого, по его мнению, миру будет не хватать, ростом количества международных акторов с разнонаправленными интересами, что превращает мировое сообщество скорее в желаемое состояние, чем реальное. Согласно его прогнозу, наиболее вероятный сценарий будущего – замена нынешней системы международных отношений «беспорядочным взаимодействием» [2].

В современном международно-политическом дискурсе широко используется термин «эпоха потрясений», введенный бывшим председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы США А. Гринспеном [3]. Американский исследователь Н. Н. Талеб акцентирует внимание на таких особенностях современной мировой политики, как неопределенность и непредсказуемость, усиливающееся влияние случайных событий со значительной силой воздействия, в его терминологии «черных лебедей». По мнению Н. Н. Талеба, их роль возрастает с развитием взаимосвязи и взаимозависимости акторов [4, С. 14].

В работах отечественных ученых В. Г. Барановского [5], В. И. Пантина [6], Д. С. Полуляха [7], М. А. Неймарка [8] и других анализировались средовые и конъюнктурные факторы мирополитической турбулентности начала XXI века. Историческая специфика эпох турбулентности исследовалась Н. С. Розовым [9].

В предлагаемой статье основными **методами** исследования проблематики глобальной турбулентности явились анализ и синтез, индукция и дедукция, системный, сравнительного анализа и экспертных оценок, широко используемые в изучении общемировых процессов. Задействованы такие современные методы, как синергетический и прогностический подходы, метод сценариев.

Основные результаты

Динамика процессов трансформации современного мира существенным образом модифицирует действующие источники вызовов и напряжений, а также порождает новые, дестабилизируя обстановку в глобальном социуме. Далеко не исчерпывающий перечень явлений, определяющих содержание нынешнего этапа эпохи глобальной турбулентности, на наш взгляд, выглядит следующим образом.

1. Прогрессирующая утрата эффективности моделью глобализации с центральной ролью Запада, возрастание значимости регионального сотрудничества. Складываются соперничающие союзы и блоки государств, основанные на альтернативном типе глобализации, предполагающем реализацию национальных интересов и взаимовыгодное партнёрство. Усиливаются тенденции к локализации и фрагментации политического пространства, фиксируемые в терминах «глокализации» и «фрагментации». Пандемия ковида доказала обратимость процесса глобализации в том виде, в котором понималась с 1980-х гг. Согласно констатации американского социолога В. Роудометофа, мир состоит из фрагментов и синтезов, а глобализация преломляется через локальное [10, С. 79-80].

2. Упрочение позиций Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой политике и экономике, меняющее конфигурацию миросистемы. Ведущую роль в изменении баланса сил на международной арене в пользу АТР играют Китай и Индия, отношения между которыми содержат потенциал конфликтности. Из-за многочисленных проблем и прежде всего экономических стремительный рост влияния центров силы, наблюдавшийся в течение первых полутора десятилетий XXI века, едва ли продолжится. Существует неопределенность в отношении того, приведёт ли возвышение Азии к ее способности определять ход мировых процессов.

В настоящее время Китай входит в острую фазу экономического кризиса, способного определить будущее страны, сталкивается с демографическим спадом и экологическими последствиями интенсивной индустриализации и урбанизации. Его главный соперник – США при относительном сокращении своих возможностей и внутривнутриполитических дисфункциях в обозримом будущем имеет реальные шансы сохранить лидирующие позиции в ключевых измерениях глобального могущества.

Стратегической целью Соединенных Штатов является сосредоточении ресурсов своих и союзников на экономической изоляции Китая и оказании на него военного давления. В рамках украинского кризиса вокруг поставленных задач заметно консолидировалась американская элита, упрочился контроль США над ключевыми союзниками в Европе и АТР.

3. Нарастающая латентная и открытая напряжённость в отношениях между ведущими странами мира и увеличивающаяся вероятность конфронтационного сценария. Оформился разлом мира на две составные части: с одной стороны Запад и Украина, с другой – Китай и Россия. Противостояние по линии Россия-Запад, по сути, происходит из хаотичности и незавершенности процесса распада биполярной системы. Соперничество между США и Китаем приобретает характер одного из мегатрендов мировой политики и носит порядкообразующий характер. Возможное обострение этого соперничества известными экспертами интерпретируется в логике метафоры «ловушка Фукидида», – как повод для войны между наиболее могущественной державой – США и «восходящей» – Китаем [11], [12].

Парадоксальность отношений сверхдержавы США и потенциальной сверхдержавы – Китая состоит в симбиозе конкуренции с высокой степенью взаимозависимости, особенно в финансово-экономической сфере. Ослабление и тем более разрушение этой связки чревато значительными издержками для обоих государств.

Распространенной формой соперничества великих ядерных держав могут стать «войны по доверенности», в которых они будут предоставлять клиентам доступ к военной технике, экспертизе и информационным возможностям,

осуществляя при этом ограниченное вмешательство в конфликты. Ключевая задача дипломатии – выработка инструментария для предотвращения эскалации конфликтов и правил ограничения конкуренции.

4. Усиление глобальной конфликтности и снижение её порога, создающих ситуацию «международного беспорядка». Конфликтностью охвачено пространство Евразии, Северной и Экваториальной Африки. Обостряются социальные размежевания внутри стран, в том числе и на почве политизации этничности. Это характерно не только для традиционно нестабильного Юга, но и для относительно благополучных государств Севера (Каталония, Шотландия, Квебек). Прогнозируемо возникновение конфликтов нового типа – между ведущими странами мира из-за частично освоенных и практически ничейных сфер деятельности, – акваторий Мирового океана, космоса, виртуальной среды интернета. В упомянутых сферах отсутствуют очевидные собственники и четкие юридические нормы владения. Поэтому стремление к их присвоению накаляет атмосферу в международных отношениях и особенно между великими державами.

С начала 2000-х гг. объектом территориальных и ресурсных притязаний стало обширное пространство Арктики, куда входят Северный Ледовитый океан, северные части Европы, Азии и Северной Америки. Правовой режим региона определяется нормами международного права и национальным законодательством государств, имеющих официальный арктический статус, – США, России, Канады, Норвегии и Дании.

Сегодня человечество сталкивается с возможностью возникновения глобальных конфликтов общепланетарного масштаба, способных создать угрозу самому существованию человечества как целостного организма или отдельным цивилизациям. Эти конфликты могут протекать в форме ракетно-ядерных войн, экологических катастроф, иных коллизий.

5. Действие разнообразных факторов с колоссальным конфликтным потенциалом: чрезмерная нагрузка на биоресурсы (их «проедание»); растущий дефицит питьевой воды; сокращение плодородных земель для производства сельскохозяйственной продукции; деградация природной среды в результате роста объёма неуполученных отходов; масштабное миграционное давление, усиливающее напряжённость в межэтнических отношениях.

6. Кризисное состояние нормативного уровня мировой системы, проявляющееся в разном толковании международных норм и двойных стандартов, что определяет хаотичность в мировой политике. С одной стороны, функционирует традиционный принцип суверенитета государств, на котором строились системы международных отношений в течение столетий. С другой стороны, усиливается тенденция признания прав человека в качестве основного принципа в международных отношениях. Пока он сфокусирован на защите личности от произвола «своего» государства, но в дальнейшем может стать конституирующей основой правового регулирования в мире.

Источником конфликтогенности является также противоречие между принципами сохранения целостности государств и правом народа на самоопределение. Соблюдение первого из принципов связано с невозможностью предоставления государственности каждому малому народу. С другой стороны, если тот или иной народ лишён условий для осуществления своей национальной самобытности и тем более подвергается притеснениям, геноциду, он вправе претендовать на государственное самоопределение.

По оценке отечественного ученого-правоведа В.Л. Толстых, «...нормы международного права, выработанные на предшествующем этапе, не могут быть использованы для ответа на новые вызовы, а базовые идеи, являющиеся отправной точкой для формирования новых норм, исчерпали свой креативный потенциал» [13, С. 358]. Весь вопрос, полагает он, в последствиях системного кризиса международного права, представляющего закономерный результат исторического процесса [13, С. 358].

7. Рост числа вызовов и угроз безопасности государств, имеющих экзистенциальный характер и требующих консолидированной реакции разнообразных акторов – от местного самоуправления до глобальных ТНК и руководства великих держав. Возникшие во второй половине XX века угрозы глобального, регионального и национального масштаба (нищета, голод, инфекционные болезни, экономическая деградация и т. п.) дополнились новыми (транснационализация терроризма и организованной преступности, противоправные операции в сфере высоких технологий, киберпреступность, «гибридные войны» и др.). Реанимируются архаичные угрозы безопасности (работоторговля, захваты заложников, морское пиратство). Взаимодействие сверхсовременных и архаичных угроз нередко вызывает синергетический эффект взаимоусиления.

Стимулирующее воздействие вызовов и глобальных проблем как факторов консолидации мирового сообщества однако не привело к качественному прорыву на этом направлении. Так, непродолжительное международное единение начала XXI столетия для борьбы с терроризмом не разрешило коренных причин возникновения и преодоления этого явления, вызываемого сложным взаимодействием исторических, политических и экономических детерминант. Нейтрализация вызовов и угроз международной безопасности станет возможной благодаря новым формам глобальной ответственности международных акторов

8. Утрата функциональности институтов мирового управления, созданных во второй половине XX века и обозначающих рамки для международных акторов. Стирается грань между состояниями войны и мира, увеличиваются значимость и масштабы «гибридных войн», сочетающих силовые методы, меры политического, экономического и информационного характера. Главным регулятором мировой политики в хаотизирующемся мире становится силовой баланс соперников, являющийся инструментарием как ведения войны, так и достижения компромиссов. Инновационные технологии и методы цифровой эпохи радикальным образом изменяют возможности в области обороны и международной безопасности. Для успешного реагирования на угрозы и вызовы XXI века человечество будет нуждаться в совершенствовании существующих и формировании новых механизмов глобального управления.

9. Миграционное давление из регионов Ближнего и Среднего Востока на принимающие страны Запада, актуализирующее вопрос о перспективе национального государства как территории с регламентированным политико-правовым статусом и фундамента легитимности миропорядка. Дискриминируемое положение мигрантов в сочетании с этноконфессиональными коллизиями генерирует дестабилизацию глобального и регионального масштабов.

Иммиграцию американский ученый С. Хантингтон вполне обоснованно оценивает как важнейшую угрозу общественной безопасности в современном мире [14, С. 284]. Создание системного универсального механизма управления трансграничной миграцией является актуальной задачей мирового сообщества в области обеспечения международной безопасности.

10. Растущее влияние на мировую политику информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей, расширение и усложнение приемов манипуляции на международной арене. Информационное пространство становится главной ареной борьбы за умы людей и отстаивания национальных интересов субъектов мировой политики. В условиях обострения глобальной конфликтности просматривается тенденция к идеологизации внутренней и внешней политики центров силы, способствующей их отчуждению друг от друга и сокращению возможностей для маневрирования.

11. Образование на пространстве СССР «зоны брожения» и геополитической неопределенности, которую пытаются заполнить внешние акторы. Не завершен процесс цивилизационного самоопределения России, понимаемого как выбор эффективной, отвечающей национальным традициям модели внутреннего устройства и нахождение адекватного места в мире. Уровень экономического и технологического потенциала страны недостаточен для обретения себя в качестве великой державы, одного из центров миропорядка будущего. Предстоит сформировать стратегию развития, которая позволит обеспечить синтез лучших российских ценностей (сильное государство, социальная справедливость, межнациональная толерантность, христианский гуманизм и др.) с ценностями универсальными, общечеловеческими. В краткосрочной перспективе необходимо реалистически, с учетом существующих возможностей позиционировать страну в турбулентном мире, убедить собственных граждан в своевременности и эффективности предпринимаемых действий, вести конструктивный диалог с партнерами и оппонентами.

Важнейшим условием общечеловеческого прогресса могло бы стать плодотворное сотрудничество и взаимопроникновение цивилизаций западного и восточного типа. Позиционируясь как государство, стремящееся к самостоятельному развитию, Россия способна выступить в качестве цивилизационного моста между наиболее мощными центрами силы – США, Европой и Китаем.

Предшествующие эпохи турбулентности, как убедительно показано в исследовании Н. С. Розова, преодолевались утверждением нового миропорядка и новых принципов внутривластного устройства государств, распространением новых социальных, моральных и религиозных ценностей [9].

Заключение

На текущем временном интервале (2022-2023) произошло временное возрождение однополярного мироустройства при доминировании США в проукраинской коалиции государств. В долгосрочной перспективе наиболее вероятным сценарием мировой динамики очевидно явится возникновение сложной многослойной миросистемы с конкурирующими, часто пересекающимися интересами [15], [16] и полицентрического миропорядка с элементами биполярности (США-Китай). Гипотетически возможен и негативный сценарий мирового развития – хаотизация международной среды, возникновение «международного беспорядка», ситуации «игры без правил». Оба варианта сопряжены с тектоническими сдвигами в соотношении и расстановке сил на международной арене, нарастающей волной межгосударственных и внутривластных конфликтов, переформатированием политических пространств.

Будущность человечества во многом зависит от целенаправленных усилий субъектов мировой политики и особенно ведущих центров силы по обеспечению глобальной стабильности, предотвращению деструктивных вариантов, создающих угрозу существованию цивилизации. Пандемия коронавируса актуализировала вопрос о формировании новой парадигмы общественной динамики – ответственного социального развития, инструментарий которой на национальном и глобальном уровне предстоит выработать.

В эпоху хаотизации мира и движения к его новому устройству представляются продуктивными мысли о необходимости реконструкции международной среды, высказанные одним из ведущих политических аналитиков последних десятилетий, бывшим госсекретарем США Г. Киссинджером в книге «Мировой порядок (2015)». Согласно Г. Киссинджеру, современные поиски оптимального мирового порядка потребуют осмысленной стратегии для определения порядков внутри разных регионов, их сопоставления с учетом истории, культуры и представлений этих регионов о своей безопасности. Продвигаться к поставленной цели следует поэтапно и объединенными усилиями не только наиболее развитых государств, но и большой группы стран [17].

Выводы:

1. Функционирующая международная система неспособна адекватно реагировать на динамику современного мира и происходящие в нём изменения, генерируя кризисы и неопределенность, хаос и игру без правил.

2. Модификация архаичной международной системы не отвечает долгосрочным стратегическим интересам человечества и способна поставить под угрозу само его существование.

3. Нуждаются в уточнении и возможном переосмыслении такие базовые международно-правовые принципы, как «суверенитет государства», «право народов на самоопределение», «невмешательство во внутренние дела», «основные права и свободы личности».

4. Экзистенциальным вопросом человечества является радикальное повышение уровня глобальной управляемости.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Rosenau J. N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity / J. N. Rosenau. — Princeton. — 1990. — 480 p.
2. Хаас Р. Разваливающийся миропорядок. Как реагировать на анархию в мире / Р. Хаас // Россия в глобальной политике. — Т. 12. — №6. — 2014. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/razvalivayushhijsya-miroporjadok/> (дата обращения: 14.11.2021).
3. Greenspan A. The Age of Turbulence: Adventures in a New World / A. Greenspan. — New York: The Penguin Press, 2007. — 554 p.
4. Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талеб. — Москва: Азбука-Аттикус, 2021. — 680 с.
5. Барановский В. Г. Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика / В. Г. Барановский. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. — 720 с.
6. Пантин В. И. Первая половина XXI века: «Эпоха турбулентности» в мировом развитии / В. И. Пантин // История и современность. — Волгоград, 2008. — № 2. — С. 3–8.
7. Полулях Д. С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка / Д. С. Полулях // Политическая наука. — 2017. — С. 245–260.
8. Неймарк М. А. Неопределенность в мировой политике: новая «нормальность» или новая «ненормальность» / М. А. Неймарк // Проблемы постсоветского пространства. — 2021. — № 8(3). — С. 304–314. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-3-304-314
9. Розов Н. С. Эпохи турбулентности и их преодоление / Н. С. Розов // Политика. — 2019. — № 1(92). — С. 81–95.
10. Roudometof V. Globalization: A Critical Introduction / V. Roudometof. — NY: Routledge, 2016. — 188 p.
11. Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? / G. Allison. — Houghton Mifflin Harcourt, 2017. — 384 p.
12. The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S. – China Conflict // Belfer Center Studies in International Security. — 2014. — 290 p.
13. Международные отношения: грани настоящего и будущего // Российский совет по международным делам (РСМД). — Москва: НП РСМД, 2023. — 472 с. — ISBN 978-5-6048843-8-6.
14. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. — Москва: Издательство «АСТ», 2004. — 635 с.
15. Mazarr M. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? / M. Mazarr // Foreign Affairs. — 2017. — Vol. 96. — № 1. — P. 34–40.
16. Howard J. Economic Competition in the 21st Century / J. Howard // A RAND Corporation Report. — 2020. — URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR4188.html (accessed: 16.09.2021).
17. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. — Москва: Издательство «АСТ», 2015. — 544 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rosenau J. N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity / J. N. Rosenau. — Princeton. — 1990. — 480 p.
2. Haas R. Razvalivajushhijsja miroporjadok. Kak reagirovat' na anarhiju v mire [The Falling Apart World Order. How to Respond to Anarchy in the World] / R. Haas // Rossija v global'noj politike [Russia in Global Politics]. — Vol. 12. — № 6. — 2014. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/razvalivayushhijsya-miroporjadok/> (accessed: 14.11.2021). [in Russian]
3. Greenspan A. The Age of Turbulence: Adventures in a New World / A. Greenspan. — New York: The Penguin Press, 2007. — 554 p.
4. Taleb N. N. Chernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti [The Black Swan. Under the Sign of Unpredictability] / N. N. Taleb. — Moscow: Azbuka-Atticus, 2021. — 680 p. [in Russian]
5. Baranovsky V. G. Mezhdunarodnyj landshaft: jepoha peremen. Izbrannaja analitika [International Landscape: the Era of Change. Selected analytics] / V. G. Baranovsky. — Moscow: Publishing house "The Whole World", 2021. — 720 p. [in Russian]
6. Pantin V. I. Pervaja polovina XXI veka: "Jepoha turbulentnosti" v mirovom razvitii [The First Half of the XXI Century: "The Era of Turbulence" in World Development] / V. I. Pantin // Istorija i sovremennost' [History and Modernity]. — Volgograd, 2008. — № 2. — P. 3–8. [in Russian]
7. Polulyakh D. S. Turbulentnost' kak harakteristika sovremennogo miroporjadka [Turbulence as a Characteristic of the Modern World Order] / D. S. Polulyakh // Politicheskaja nauka [Political Science]. — 2017. — P. 245–260. [in Russian]
8. Neymark M. A. Neopredelennost' v mirovoj politike: novaja "normal'nost" ili novaja "nenormal'nost" [Uncertainty in World Politics: a New "Normality" or a New "Abnormality"] / M. A. Neymark // Problemy postsovetskogo prostranstva

[Problems of the Post-Soviet Space]. — 2021. — № 8(3). — P. 304–314. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-3-304-314 [in Russian]

9. Rozov N. S. Jepohi turbulentnosti i ih preodolenie [Epochs of Turbulence and Their Overcoming] / N. S. Rozov // Politiya [Polity]. — 2019. — № 1(92). — P. 81–95. [in Russian]

10. Roudometof V. Glocalization: A Critical Introduction / V. Roudometof. — NY: Routledge, 2016. — 188 p.

11. Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? / G. Allison. — Houghton Mifflin Harcourt, 2017. — 384 p.

12. The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S. – China Conflict // Belfer Center Studies in International Security. — 2014. — 290 p.

13. Mezhdunarodnye otnosheniya: grani nastojashhego i budushhego [International Relations: the Edges of the Present and the Future] // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [The Russian Council on International Affairs (RIAC)]. — Moscow: RIAC NP, 2023. — 472 p. — ISBN 978-5-6048843-8-6. [in Russian]

14. Huntington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti [Who Are We? Challenges of American National Identity] / S. Huntington. — Moscow: "AST" Publishing House, 2004. — 635 p. [in Russian]

15. Mazarr M. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? / M. Mazarr // Foreign Affairs. — 2017. — Vol. 96. — № 1. — P. 34–40.

16. Howard J. Economic Competition in the 21st Century / J. Howard // A RAND Corporation Report. — 2020. — URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR4188.html (accessed: 16.09.2021).

17. Kissinger G. Mirovoj porjadok [World Order] / G. Kissinger. — Moscow: "AST" Publishing House, 2015. — 544 p. [in Russian]